

DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-174-181-190
УДК 94+63.3 (4Там)

ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ГОЛОДА 1932–1933 гг. (на примере Тамбовской области)

Андрей Владимирович ЖИГУЛЬСКИЙ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: zhigulskq@yandex.ru

Аннотация. Проведено исследование взаимодействия власти и общества в период голода 1932–1933 гг. Рассмотрены взгляды разных уровней властей (местная, региональная, центральная) на возникшую проблему. Проанализированы причины выборной тактики каждой из этих властей. Особое внимание уделено изучению действий местной и региональной властей, так как от них зависело благополучие населения. Исследованы деятельность политотделов, их полномочия, район распространения, а также взаимоотношения нового учреждения с местной властью и обыкновенными людьми. Выявлены сильные и слабые стороны их деятельности. Рассмотрены тактика и характер действий сельских жителей во время голода. Определены причины возникновения спекуляции и торговли и их роль в разрешении кризиса. Дана оценка эффективности и законности выносимых приговоров как управленцам, так и рядовым колхозникам. Источниками исследования стали материалы, хранящиеся в фондах Государственного архива социально-политической истории Тамбовской области.

Ключевые слова: коллективное хозяйство; хлебозаготовка; политотделы; спекуляция; бюро жалоб; голод

Проведенная советской властью аграрная реформа кардинально изменила жизнь сельского обывателя. Общину с ее устройством и порядками представлял теперь колхоз с его системой управления и планирования. Неурожай, переросший вскоре в масштабный голод, стал серьезным испытанием для только что созданной советской властью хозяйственной и административной системы. Целью нашей исследовательской работы стало выявление причин голода, а ответ на следующие вопросы.

1. Как отреагировала местная власть на возникшую проблему? Пыталась ли скрыть ее или стала оперативно ее решать?

2. Каков был характер действий региональных и центральных властей по борьбе с голодом?

3. Какова была тактика действий сельских обывателей во время неурожая?

Урожай 1932 г. должен был быть не хуже прошлогодних показателей, поэтому руководство страны и региона придерживалось прежней тактики. Любыми средствами старалось выполнить норму заготовки. Активно применялись незаконные аресты, штрафы, исключения из колхозов. Имелись многочисленные случаи издевательств над колхозни-

ками¹, которые не выполняли план в силу разных обстоятельств. Между тем ситуация на местах была совершенной иной. Вопреки ожиданиям правительства, количество урожая было собрано значительно меньше. В амбарах не было необходимого объема зерна, что делало невозможным выполнение норм сдачи хлеба. Государство, предполагая, что в некоторых хозяйствах могут возникнуть сложности, приняло решение увеличить показатели районов еще на 4–5 %, чтобы добрать недостающий объем.

Местные руководители, достаточно осведомленные о ситуации, были шокированы данным решением. Выход видели только в сознательном сокрытии реального уровня урожайности. Объявляя руководству региона и страны другие показатели, местные чиновники надеялись на снижение норм хлебозаготовки. Однако региональная власть боялась, что в случае невыполнения поставленной задачи подвергнется наказанию со стороны ЦК ВКП(б), поэтому эти попытки строго пресекала. В отношении тех районов и хозяйств, где на это пошли, областное руководство применило серьезные меры. Полно-

¹ ГАСПИТО (Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области). Ф. П-927. Оп. 1. Д. 19. Л. 11.

стью были приостановлены поставки товаров и кредитование, а также запрещена любая торговля. Колхозы, которые все же выполнили поставленную задачу, находились на грани разорения. Амбары оказались пусты. Нередко выполнение хлебозаготовки сопровождалось изъятием и семенного зерна.

Государство не спешило признавать план хлебозаготовки ошибочным и корректировать его. По мнению руководства ВКП(б), сложности возникли из-за несостоятельности части партийного и советского руководства на местах [1, с. 534-535]. Региональная администрация, еще не до конца осознавая реальную ситуацию, также была уверена, что причиной является сопротивление на местах. По их расчетам хлеба было достаточно, чтобы выполнить план, но колхозы отказываются сдавать необходимое количество. Местную власть обвинили в безответственности, слабости и даже трусости, так как некоторые ее представители пошли на уступки колхозникам и выдали часть хлеба, когда он еще не был сдан государству.

Колхозники, видя, что власть стремится только выполнить план и совершенно не думает об улучшении положения, в октябре–ноябре 1932 г. стали самовольно покидать родные места. Большая часть из них отправилась в ближайшие города, где продоволь-

ственное положение, как они надеялись, обстояло значительно лучше (например, Тамбов, Козлов, Моршанск). Между тем сам переезд был весьма затруднителен. Государство, справедливо опасаясь массового оттока людей в город, что могло подорвать производственные возможности колхозов в будущем, в декабре 1932 г. вводит паспортную систему с обязательной пропиской по месту жительства (на территории Центрально-Черноземной области (ЦЧО) с июля 1933 г.). Крестьяне паспорта не получили, что означало фактическое прикрепление к земле. 17 марта 1933 г. принимается постановление «О порядке отходничества из колхозов», которое разрешало покидать хозяйство только в том случае, если будет заключен договор с предприятием. В итоге миграция населения из деревни в город была приостановлена. Между тем даже в случае успешного переезда городскую жизнь для вчерашнего колхозника нельзя было назвать легкой, как они на это рассчитывали. Работы и жилья всем не хватало, хотя и было развернуто строительство крупных предприятий (в Тамбове «Автотрактородеталь», «Комсомолец», а в Козлове – паровозоремонтный завод и др.). Большинству приезжих приходилось искать пристанище в ночлежках или общежитиях.

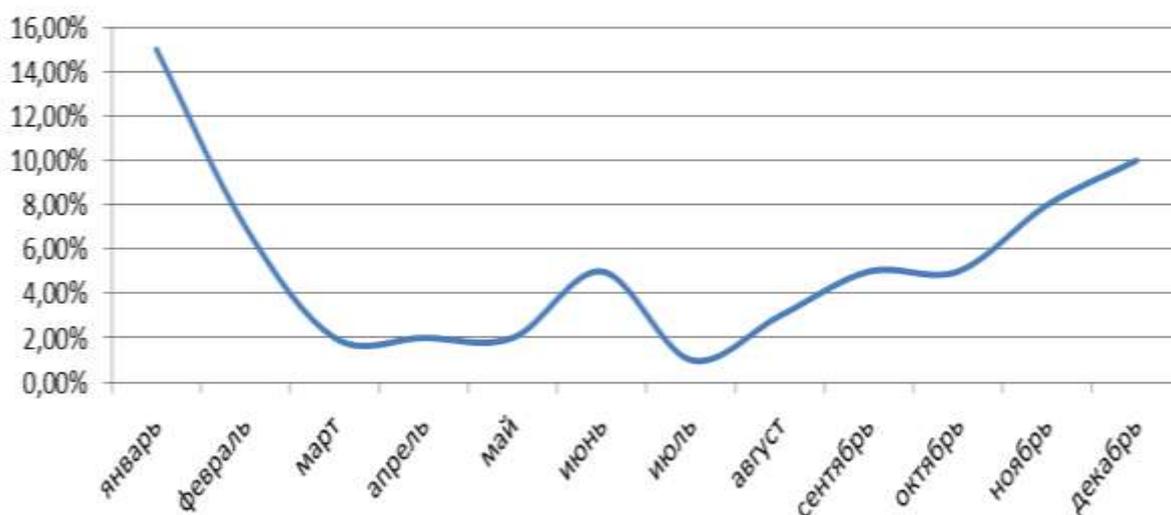

Рис. 1. Время совершения преступления партработниками в 1932 г.²

² ГАСПИТО. Ф. П-877. Оп. 1. Д. 90. Л. 21.

Ограничиться только этими мерами государство не могло, но и с принятием дополнительных мер не спешило, рассчитывая, что региональная власть все-таки сможет самостоятельно решить проблему. В Тамбове понимали, что ситуацию необходимо кардинально менять, иначе в некоторых районах может произойти катастрофа, за что придется отвечать перед Москвой. Руководство области для исправления положения стало массово отстранять от должности чиновников, которые были виновными в дестабилизации на местах. Так, только за январь–апрель 1933 г. за растраты были привлечены 109 советских работников, из которых 12 завхозов, 20 заведующих магазинами, 8 ответственных продавцов, а также заведующие столовыми, кладовщики, кассир сбербанка и т. д.³ Весьма интересным является то, что партийными из них были только 17 %, а остальные являлись беспартийными.

На рис. 1 отчетливо видно, что нарушение закона чаще происходило в зимние время, что совпадает с периодом наибольшего числа перебоев с продовольствием и уплатой налогов. С воровством и взяточничеством руководство вело длительную борьбу. Однако если ранее за это чаще чиновник подвергался выговорам на партсобраниях, снятию с должности, то неблагоприятная экономическая обстановка, которая могла стать причиной ухудшения общественной ситуации, заставила перейти к возбуждению уголовных дел с дальнейшим осуждением.

Трудности возникли в самом судопроизводстве. Как вскоре выяснилось, далеко не всех подозреваемых удавалось привлечь к ответственности. Расследование затягивалось, чему было несколько объяснений. Во-первых, резко выросло количество дел, которые необходимо было рассмотреть. Так, в I квартале 1932 г. через городской суд прошли 217 дел с 306 обвиняемыми, а за I квартал 1933 г. – 459 дел с 722 обвиняемыми. Во-вторых, советская бюрократическая система требовала согласования с множеством инстанций, что затягивало принятие решения. В-третьих, сохранялась острая нехватка квалифицированных кадров, что приводило к дополнительной нагрузке на сотрудников прокуратуры. В итоге дела, которые можно было рассмотреть за 2–3 недели, передава-

лись в суд не ранее, чем через 2 месяца. Местное население воспринимало это негативно, так как полагало, что руководство старается всячески освободить своих сотрудников. Данный вывод подкреплялся достаточно мягкими приговорами в отношении бывших чиновников, что не было похоже на наказание. Только несколько человек получили 10 лет тюремного срока, а значительная часть (35 %) – лишь принудительные работы сроком от 6 до 12 месяцев⁴. Противоположная ситуация складывалась в отношении обычных людей. В среднем этот процесс длился месяц, а в прокуратуре находились и того меньше – 1–2 дня. Приговоры чаще всего представляли собой наказание от 5 до 10 лет⁵.

Недовольство в обществе вызывали случаи оправдания и снятия всех обвинений с человека, о преступлениях которого было всем известно. Одним из таких «счастливиц» стал председатель колхоза «Путь пахаря» Лысогорского сельсовета Хромов. В процессе расследования было доказано, что он продал 50 пудов сена члену сельсовета, а на вырученные деньги купил вино и пропил. Также было выявлено несколько случаев продажи колхозной собственности. Однако на суд при активном участии инспектора милиции свидетелей преступления не вызвали, а пригласили только председателя и заместителя сельсовета. В связи с отсутствием свидетелей преступления и положительным отзывом о работе Хромова со стороны сельского совета, суд постановил признать: «никакой халатности со сторон Хромова не было, а лишь благодаря его действиям колхоз остался здоровым, пьянки не замечено»⁶. В итоге расхитители колхозной собственности остались безнаказанными.

Для разрешения ситуации, помимо отстранения от должности и привлечения к ответственности нарушивших закон чиновников, региональные власти усилили давление на председателей сельсоветов и уполномоченных Районного исполнительного комитета (РИКа). От местного аппарата требовали оперативно выполнять все распоряжения областной администрации. Медлительность либо отказ выполнить указание сопровожда-

³ ГАСПИТО. Ф. П-877. Оп. 1. Д. 90. Л. 21.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 16-19.

⁶ Там же. Л. 25-26.

лись привлечением к административной ответственности и отстранением от должности. Местное руководство оказалось перед выбором – оставить все как есть, но такое пассивное решение означало бы конфликт с областной администрацией, или выполнить установленный план, что приведет к ухудшению и без того плохого положения крестьян. К сожалению, руководители сельсоветов и председатели колхозов чаще всего являлись сторонниками последнего.

Несмотря на все принятые региональными властями мероприятия, положение в районах продолжало ухудшаться. Дефицит продовольствия ощущался к концу осени 1932 г. теперь не только на юге области, но и в ее центральных районах. Не дожидаясь распространения голода на все районы, а также стремительного ухудшения положения и в других регионах, руководство ВКР(б) перешло к активным действиям. Был установлен запрет на публикацию в средствах массовой информации материала о нехватке продовольствия в стране. Так, было запрещено печатать в газетах сообщения о массовом голоде в деревне. 16 января 1933 г. прошло заседание 5-го объединенного пленума обкома и Областной контрольной комиссии (ОблКК) ВКП(б) ЦЧО об «итогах развития сельского хозяйства области в 1-й пятилетке и задачах парторганизации по руководству колхозным строительством». Несмотря на то, что одним из ключевых вопросов повестки была весенняя посевная кампания, секретарь обкома ВКП(б) ЦЧО И.М. Варейкис в своем докладе ни слова не сказал о существовании продовольственных проблем в районах⁷.

Руководство изначально рассматривало вариант использования красноармейцев для подавления волнений, однако, впоследствии вынуждено было отказаться от этого. Красноармейцы, возвращающиеся из кратковременных отпусков, приносили с собой ужасные известия [1, с. 289-290]. Участились случаи неодобрительных разговоров о руководстве колхозов, о взаимоотношениях между городом и деревней. Для успокоения красно-

армейцев правительство установило норму хлеба для их семей. Она была значительно выше той, которую получали обычные колхозники.

Однако всего этого было недостаточно. В качестве способа выхода из сложившегося положения руководство ВКП(б) считало необходимым повысить политическую и организационно-хозяйственную роль партии в деревне [2, с. 81]. Для достижения этого на январском объединенном пленуме ЦК и Центральной контрольной комиссии (ЦКК) ВКП(б) 1933 г. было решено создать чрезвычайные органы в сельском хозяйстве, политотделы совхозов и машинно-тракторных станций (МТС). Прототипом политотделов совхозов и МТС послужили армейские политотделы [3, с. 47-48]. Комплектование происходило путем строго отбора, когда каждая кандидатура просматривалась несколько раз различными советскими учреждениями. Как и в 1930 г., было принято решение мобилизовать на работу в деревню коммунистов из города. В качестве дополнительной меры в село были направлены работники из райкомов.

Помня о трудностях взаимодействия 25 тысячников с местной властью, государство на этот раз четко определило политические и хозяйственные функции политотделов. Штат политотдела состоял из шести человек, где главной фигурой был заместитель по Объединенному государственному политическому управлению (ОГПУ), который являлся сотрудником этого учреждения. В его обязанности входило не только проведение оперативно-следственных мероприятий, но и предание суду антисоветских элементов. Данный сотрудник всегда имел при себе оружие.

Достижение успеха, по мнению властей, было возможным лишь в предоставлении политотделам права независимости в принятии решений от райкомов партии. Вскоре новый орган установил контроль и над региональными властями, тем самым ограничил их возможности в самовольных действиях по изменению установленных государственных планов хлебосдачи под различными предлогами [4, с. 208].

Постоянное вмешательство в работу региональной администрации стало причиной недовольства обкомов и райкомов, и как

⁷ Из доклада секретаря обкома ВКП(б) ЦЧО И.М. Варейкиса на 5-м объединенном пленуме обкома и ОблКК ВКП(б) ЦЧО об итогах развития сельского хозяйства области в 1-й пятилетке и задачах парторганизации по руководству колхозным строительством. URL: <http://otambove.ru/antiqua/?p=11752> (дата обращения: 24.12.2017).

итог – игнорирование ими решений политотделов. ЦК ВКП(б) встал на защиту нового учреждения и привлек к ответственности виновных в саботаже. В то же время в Москве пристально следили за тем, чтобы не было превышения полномочий с негативными последствиями для хозяйств. В случае выявления таких фактов государство снимало с должности данных работников, а принятые ими решения отменяло.

В ЦЧО политотделы первоначально появились в южных районах в феврале 1933 г. На первом этапе своей работы перегруппировали партийные силы в деревне, так как межколхозная партийная система оказалась не очень эффективной. На январь 1933 г. Тамбовской МТС подчинялись 58 колхозов, в которых было всего 70 большевиков, объединенных в 6 территориальных партийных ячеек [5, с. 128]. В самих колхозах первичные партийные организации отсутствовали, поэтому необходимо было укрепить партийное руководство на местах. Новая структура состояла из 2 производственных, 9 кандидатских групп, а также выделялись 14 организаторов для работы в колхозах.

Партийная работа была перенесена непосредственно в колхозы. Постоянное сопротивление местных управленцев, их некомпетентность подтолкнули правительство к новой чистке партии. Из ВКП(б) исключили в основном тех, кто своими действиями создавал трудности в проведении намеченных правительством мероприятий. В то же время руководство страны и области понимало, что без широкого партийного представительства на местах невозможно реализовать поставленные задачи. В итоге количество членов партии выросло. За период с 1928 по 1933 гг. общая численность парторганизации ВКП(б) по ЦЧО увеличилась с 41876 человек до 125182 человек, то есть на 83306 человек. Всего были приняты 112324 человека, а лишались партийного билета 29018 человек⁸.

Одновременно с этим политотделы получили право производить проверку деятельности колхозных ячеек, а также перемещать или отстранять их секретарей и других работников. С должностей снимали не толь-

ко за выявленное нарушение, но и за несоответствие социальному происхождению, совершенную когда-либо критику курса партии. Так, руководство рекомендовало секретарю ячейки Промхлебпечений освободить П.И. Батицева с должности старшего кладовщика в связи с тем, что он был троцкистом и своими действиями замечен в среде рабочей массы⁹. Однако не всегда политотделы добивались уступок от руководства. Попытка Тамбовской городской контрольной комиссии убедить заведующего Тамбовским отделением Союза снабжения Епихина в необходимости уволить заведующего оперативной частью Алехина, как сына бывшего помещика, оказалась тщетной, так как «при громадном недостатке таких работников, чрезвычайно пострадает наше дело»¹⁰. Между тем большинство руководителей не стало сопротивляться, они отстраняли того, кого сочтут нужным политотдел. Наиболее активные руководители, стараясь избежать осложнений в будущем, самостоятельно стали обращаться с запросами. Так, директор Воронежского Госмединститута после обращения в Тамбовскую городскую контрольную комиссию 29 декабря 1932 г. уже 19 января 1933 г. получил все необходимые сведения о новом сотруднике Орлове. В заключении справки было сказано, что «предосудительного материала на Орлова КК-РКИ не имеет»¹¹. Кадровый состав на местах вскоре изменился. Остались лишь те, кто был активен и способен проводить линию партии, не отставиваясь ни перед чем. К началу весны 1933 г. политотделы превратились в центры государственного руководства деревней. Получив право обращения напрямую, они своевременно докладывали в Центр о возникающих проблемах, что позволяло избежать серьезных осложнений.

Проводимые государством и региональными властями мероприятия результат дали не сразу. Крестьяне, еще с осени ощутившие нехватку продовольствия, изначально ждали помощи от государства, считая, что на это они имеют право, поскольку в обычные годы его кормят [6, с. 104]. Не получив ничего от местных властей, крестьяне стали обращаться в районное и областное управление. Так, в

⁸ Из справки обкома ВКП(б) ЦЧО о численном и социальном составе областной партийной организации за 1928–1932 гг. URL: <http://otambove.ru/antiqua/?p=11740#respond> (дата обращения: 24.12.2017).

⁹ ГАСПИТО. Ф. П-877. Оп. 1. Д. 72. Л. 58.

¹⁰ Там же. Л. 75.

¹¹ Там же. Л. 34.

1932 г. стремительно выросло число жалоб и достигло за июль 1687¹² (в 1930 г. в среднем в месяц было 323), то есть более чем в 5 раз. По социальному составу большинство жалоб исходило от крестьян и служащих¹³.

Значительная доля жалоб сельских жителей приходилась на медлительность чиновников в принятии решений, что особенно остро ощущалось с ростом числа голодающих (рис. 2). Негодование вызывали невнимательность и халатность руководителей. Местные чиновники, ссылаясь на загруженность, к проблемам обычного человека подходили безучастно. В итоге отсутствие возможности выполнить план хлебосдачи, трудности в снабжении семьи стали заботой каждого колхозника. От успешности решения этих вопросов зависела жизнь людей. Любые действия местной власти сельчане воспринимали негативно, как злоупотребление, полагая, что они только усугубляют и без того тяжелое положение.

Отрицательно встретили колхозники и постановление «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», принятое 7 августа 1932 г., получившее в народе название «Закон о трех колосках». За воровство колхозного и кооперативного имущества виновным грозил расстрел или лишение свободы на 10 лет. Если суд в отношении служащих нередко затягивался и выносил чаще мягкие приговоры, то по этому постановлению решение в 92 % случаев рассматривалось за 10 дней¹⁴ и часто заканчивалось 10-летним наказанием.

Население долго рассчитывало на помощь властей, но вскоре осознало, что государство никаких мер предпринимать не станет, поэтому крестьяне решили действовать сами. Характерной здесь является динамика обращений в 1932–1933 гг., где отчетливо видно постепенное снижение количества жалоб с 1683 в июле 1932 г. до почти 800 в декабре 1933 г., то есть более чем в 2 раза (рис. 3).

Голод с каждым днем усиливался, в особенности в южных районах. Если весной 1932 г. фиксировались единичные случаи смерти от истощения, то в июне 1932 г. умирали в среднем 2 человека в день только в Тамбовском районе¹⁵. Положение осложняло распространение тифа, от которого умирало по несколько человек ежедневно. Участились случаи подкидывания детей.

Трудность положения заставила некоторых пойти на крайности. Так, в Рассказовском районе были зафиксированы несколько случаев, когда крестьяне использовали себя в качестве тягловой силы. В селе Ивановка М.В. Бирюков, ранее раскулаченный, пахал на себе с женой и 2-мя малолетними детьми¹⁶. Местная власть, пытаясь скрыть бедственное положение, объяснила происходящее как новый метод кулацкой агитации, но в то же время была вынуждена оказать небольшую помощь, боясь, что данная акция распространится на другие семьи.

Одним из путей выхода из бедственного положения стало возобновление торговли практически в каждом населенном пункте, но в виде спекуляции (рис. 4). В продаже преобладали продукты (хлеб, мясо, масло, овощи). Быстро раскупались и хозяйственные предметы (спички, удочки и т. д.). Люди стремились получить только те товары, которые помогут пережить голод. Официально руководство на местах вело борьбу не только со спекуляцией, но и с самой торговлей. За период с 22 августа 1932 г. по 1 апреля 1933 г. были привлечены к ответственности 227 человек¹⁷, в основном колхозники и единоличники. Между тем данная акция результата не имела. Небольшие рынки открывались постоянно, но периодически меняя свое месторасположение. Руководство и само отчетливо понимало, что в случае исчезновения торговли продуктами в столь сложное время население будет поставлено на грань катастрофы. В итоге ограничивались небольшими рейдами. По мере выхода региона из голода и нормализации обстановки они постепенно прекратились.

¹² ГАСПИТО. Ф. П-877. Оп. 1. Д. 51. Л. 69.

¹³ Там же. Д. 15. Л. 5.

¹⁴ Там же. Д. 90. Л. 16.

¹⁵ ГАСПИТО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 2. Л. 62.

¹⁶ ГАСПИТО. Ф. П-699. Оп. 1. Д. 121. Л. 28.

¹⁷ ГАСПИТО. Ф. П-877. Оп. 1. Д. 90. Л. 16-20.

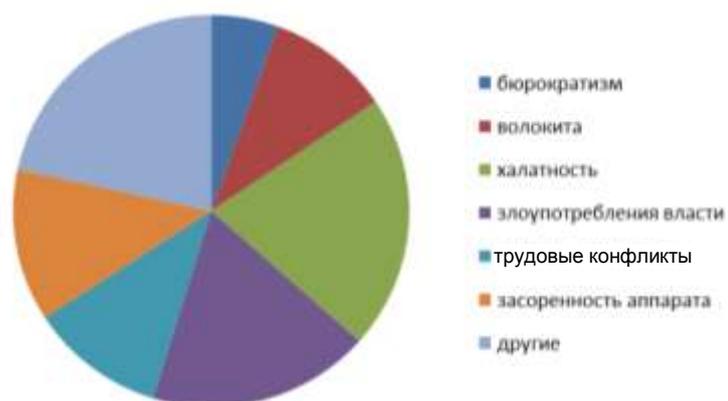

Рис. 2. Характер жалоб населения в 1933 г.¹⁸

Рис. 3. Динамика количества жалоб, поданных в бюро жалоб в 1932–1933 гг.¹⁹

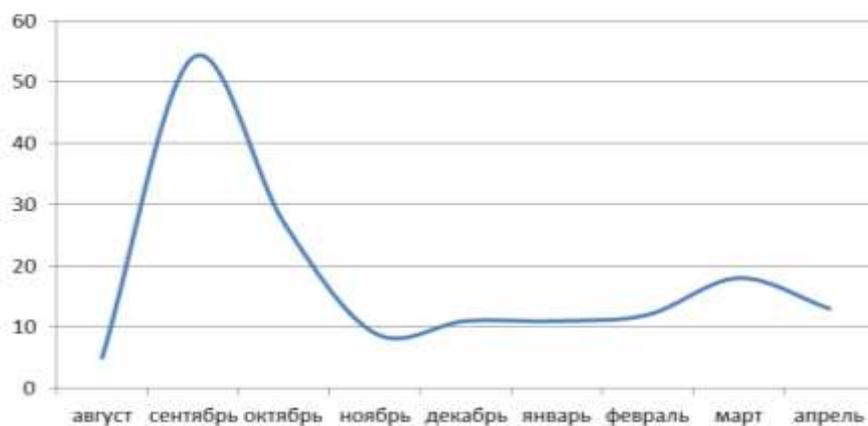

Рис. 4. Зафиксированные случаи спекуляции в 1932–1933 гг.²⁰

¹⁸ ГАСПИТО. Ф. П-877. Оп. 1. Д. 15. Л. 5-6.

¹⁹ Там же. Д. 51. Л. 69-143.

²⁰ Там же. Д. 90. Л. 19.

Следствием ухудшения социально-экономического положения стал рост преступности. Чаще всего нападениям подвергались представители советской власти, которых грабили, избивали, а нередко и убивали. Так, 12 марта 1932 г. был убит член Арапского сельсовета Епифанов, который занимался хлебозаготовкой²¹.

Голод достиг своего пика зимой 1932–1933 гг. и к весне стал постепенно спадать. Руководство понимало, что от успеха весеннего посева будет многое зависеть. Активность и хорошая организованность политотделов, а также отсутствие серьезных разногласий с местной властью позволили весной провести посевную кампанию в срок и практически в полном объеме. Удалось снабдить колхозы необходимым количеством семян, горючим и запасными частями. Всячески пресекались попытки колхозников стричь колхозную рожь и выкапывать из земли еще незрелый картофель. В то же время многие хозяйства в силу объективных (нехватка тягловых сил, техники и т. д.) и субъективных (волопита в управлении) причин затягивали работы, что могло обернуться еще более масштабным голодом. Располагая широкими полномочиями, политотделы оперативно перебрасывали имеющиеся у них резервы в проблемные хозяйства. Уборка прошла значительно лучше и быстрее 1932 г., что обеспечило хороший урожай. Государство на этот раз пошло на уступки, оставив больше количества хлеба в деревне. Для улучшения материального положения оно приняло решение распределять хлеб по трудодням сразу по окончании хлебосдачи, не дожидаясь финансовых расчетов в конце года. К осени 1933 г. количество голодающих в регионе резко сократилось. Многие хозяйства стали постепенно восстанавливаться.

Подводя итоги, мы пришли к следующим выводам.

1. Голода и его масштабов было возможно избежать, если бы местное руководство правильно и вовремя оценило назревавшую проблему. В процессе событий руководители колхозов, совхозов, сельских советов, а также ряд руководителей районов не предприняли никаких мер по борьбе с голодом. Боясь репрессий со стороны регионального и центрального управления, руковод-

ство многих из них долгое время скрывало правду, надеясь на скорое улучшение ситуации. Мероприятия, которые проводились в разгар кризиса, считались недостаточными для того, чтобы нормализовать обстановку на местах.

2. Региональные и центральные руководители длительное время находились в неведении о происходящем на местах. Первые донесения вызвали у них подозрения, что местная администрация покрывает колхозников и идет у них на поводу. Осознав вскоре, что необходимо предпринять срочные меры, они перешли к действиям. Отстранили от управления не справившихся руководителей, но одновременно с этим организовали новое учреждение – политотделы, которые были наделены широкими полномочиями. Оперативность и слаженность действий позволили разрешить проблему к осени 1933 г., когда собрали хороший урожай.

3. Крестьяне длительное время ожидали помощи от властей. Писали письма и жалобы во все советские структуры. Осознав, что полагаться нужно только на себя, они перешли к активным формам борьбы с голодом. Широко распространилась спекуляция и торговля необходимыми вещами и продуктами. Увеличилось число преступлений, которые совершили представители крестьянства. Трудность заставила некоторые семьи идти на крайности – пахать на себе.

В целом голод 1932–1933 гг. был серьезным испытанием и для государства, и для населения. Руководство все же смогло разрешить проблему, а крестьяне окончательно смирились с колхозной системой и необходимостью выполнять решения государства. Однако за этот же период произошли резкие изменения в самой деревне. Сохранявшаяся коллективная система хозяйствования окончательно подчинилась интересам государства. Председатели колхозов потеряли практически всю самостоятельность и выполняли только директивы партии. Существовавшая ранее практика обсуждения плана мероприятий прекратилась, а вместо нее было введено донесение до масс уже принятых решений. Между тем руководство страны, стараясь избежать осложнений в будущем, сделало некоторые послабления сельскому населению: была установлена максимальная норма сдачи зерна государству (в 1/3 среднего ва-

²¹ ГАСПИТО. Ф. П-877. Оп. 1. Д. 72. Л. 8.

лового сбора), задание на поставку не позднее 15 марта, «встречные планы» были запрещены [1]. Ключевым вопросом остается число жертв голода. Однако абсолютно точно вычислить количество умерших от голода и его последствий не представляется возможным. Во многом это происходит потому, что в 1930-е гг. о голоде не упоминалось в официальных документах и печати.

Список литературы

1. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Конец 1930–1933. Документы и материалы: в 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 3. 1008 с.
2. *Шевляков А.С.* Репрессивная деятельность политотделов МТС и совхозов в 1930-е годы // Проблемы истории массовых политических

- репрессий в СССР: материалы 3 Всерос. науч. конф. Краснодар, 2006. С. 81-83.
3. *Зеленин И.Е.* Политотделы МТС – продолжение политики «чрезвычайщины» (1933–1934 гг.) // Отечественная история. 1992. № 6. С. 42-61.
 4. *Кондрашин В.В.* Хлебозаготовительная политика в год первой пятилетки и ее результаты (1929–1933). М.: РОССПЭН, 2014.
 5. *Олиферовская И.В.* Крестьянство и власть в Центральном Черноземье накануне и в годы коллективизации 1927–1933 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2006.
 6. *Бабашкин В.В.* Крестьянский менталитет: наследие России царской в России коммунистической // Общественные науки и современность. 1995. № 3. С. 99-110.

Поступила в редакцию 01.02.2018 г.
Отрецензирована 05.03.2018 г.
Принята в печать 16.05.2018 г.

Информация об авторе

Жигульский Андрей Владимирович, аспирант, кафедра всеобщей и российской истории. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: zhigulskq@yandex.ru

Для цитирования

Жигульский А.В. Опыт взаимодействия власти и общества в условиях голода 1932–1933 гг. (на примере Тамбовской области) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2018. Т. 23, № 174. С. 181-190. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-174-181-190.

DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-174-181-190

THE STATE-SOCIETY INTERACTION THROUGH THE FAMINE OF 1932–1933 (the Tambov Region case)

Andrey Vladimirovich ZHIGULSKIY

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
E-mail: zhigulskq@yandex.ru

Abstract. An experience of the Soviet State – Russian society relations through the 1932–1933 famine is under analysis. The approaches of different authority levels (local, regional, central) to the famine problem are viewed as well as their foundations of the electoral tactics. Special attention is focused on the local and regional authorities as they held the keys to the people's welfare. The activities of the political departments with their authorization, covering and interaction the people and local authorities were studied to highlight their strengths and weaknesses. The “famine tactics” and behavior of rural population is also viewed. The roots of profiteering and normal trade are traced to clear their role to solve the crisis. The effectiveness and the lawfulness of the trials and their verdicts to the officials and the ordinary collective farmers are evaluated. The sources of the investigation are kept in the State Archives of Social and Political History of the Tambov Region.

Keywords: collective farm; grain procurement; political departments; profiteering; Complaints Division; famine

References

1. Danilov V., Manning R., Viola L. (eds.). *Tragediya sovetskoj derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. Konets 1930–1933. Dokumenty i materialy: v 5 t.* [The Tragedy of the Soviet Village. Collectivization and Dispossession of the Kulaks. The End of 1930–1933. Documents and Materials: in 5 vols.]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001, vol. 3, 1008 p. (In Russian).
2. Shevlyakov A.S. Repressivnaya deyatel'nost' politotdelov MTS i sovkhozov v 1930-e gody [Repressive activity of political departments of tractor depots and sovkhozs during 1930s]. *Materialy 3 Vserossiyskoj nauchnoj konferentsii «Problemy istorii massovykh politicheskikh repressij v SSSR»* [Proceedings of 3 All-Russian Scientific Conference “The History Problems of Massive Political Repressions in the USSR”]. Krasnodar, 2006, pp. 81-83. (In Russian).
3. Zelenin I.E. Politotdely MTS – prodolzhenie politiki «chrezvychajshchiny» (1933–1934 gg.) [The political departments of tractor depots – the continuation of crisis committee policy]. *Otechestvennaya istoriya* [Domestic History], 1992, no. 6, pp. 42-61. (In Russian).
4. Kondrashin V.V. *Khlebozagotovitel'naya politika v god pervoy pyatiletki i ee rezul'taty (1929–1933)* [Grain Procurement Policy During the First Five-Year Plan and Its Results]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2014. (In Russian).
5. Oliferovskaya I.V. *Krest'yanstvo i vlast' v Tsentral'nom Chernozem'e nakanune i v gody kollektivizatsii 1927–1933 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Peasantry and the Authority in the Central Black-Earth Region on the Eve and During Collectivization of 1927–1933. Cand. hist. sci. diss.]. Tambov, 2006. (In Russian).
6. Babashkin V.V. Krest'yanskiy mentalitet: nasledie Rossii tsarskoj v Rossii kommunisticheskoy [Peasant mentality: the legacy of tsarist Russia in communist Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 1995, no. 3, pp. 99-110. (In Russian).

Received 1 February 2018

Reviewed 5 March 2018

Accepted for press 16 May 2018

Information about the author

Zhigul'skiy Andrey Vladimirovich, Post-Graduate Student, General and Russian History Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: zhigulskq@yandex.ru

For citation

Zhigul'skiy A.V. Opyt vzaimodeystviya vlasti i obshchestva v usloviyakh goloda 1932–1933 gg. (na primere Tambovskoy oblasti) [The state-society interaction through the famine of 1932–1933 (the Tambov Region case)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2018, vol. 23, no. 174, pp. 181-190. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-174-181-190. (In Russian, Abstr. in Engl.).